народ; переводы из русской литературы служили делу сближения чешского и русского народов.

«Слово о полку Игореве» было одним из первых произведений русской литературы, переведенных на чешский язык. Этот выбор не мог быть случайным. «Слово» говорило о наличии высокой культуры на Руси еще в XII в.; одной же из основных задач чешского возрождения было обоснование права чехов на самостоятельность; идея славянской взаимности была настолько сильна в Чехии, что памятник национальной культуры русского народа мог восприниматься и как свидетельство высокой культуры чехов как части славянства.

И. Юнгманн писал в предисловии к переводу, что «Слово» дорого «не одним русским, но всем вообще славянам». Автора «Слова» он называет славянским певцом. «И у славян были свои предсказатели (věštec)... Один из них... иноземных бардов нисколько не меньше. Хотя угасла память о его имени, он живет и без имени в своем слове, и если зависит что-либо от имени, назовите его Оссианом либо Гомером славянским или Игоревым певцом».[35]

Призыв к объединению, звучавший в «Слове», мог быть вполне воспринят как призыв к единению славян.

* *
*

Два других перевода «Слова о полку Игореве» на чешский язык относятся ко второй половине XIX в.: перевод М. Гатталы[36] вышел в 1858 г., перевод К. Эрбена[37] — в 1869 г.

За четыре десятилетия, прошедших со времени выхода в свет перевода В. Ганки, изучение «Слова о полку Игореве» шагнуло далеко вперед. Новые работы чешских исследователей не были уже популяризаторством, — это были опыты научных изданий «Слова о полку Игореве».

Работа Мартина Гатталы, известного словацкого лингвиста, невелика по объему. В предисловии он пишет: «В том, что я не объяснил „Слова" более распространенно, повинны собственно наши литературные обстоятельства, не благоприятствующие подобным замыслам. Мой уважаемый издатель, учитывая это, и на данное издание решился с трудом, хотя я за него не требовал никакой награды».[38]

«Литературные обстоятельства» — это, вероятно, тяжелые условия, которые были созданы для чешской литературы жестокой габсбургской реакцией, наступившей после революции 1848 г.

В небольшом предисловии Гаттала обнаружил широкое знакомство с литературой о «Слове». Он пишет здесь о трудах Калайдовича, Востокова, об изданиях Шишкова, Пожарского, Сахарова, Максимовича, Дубенского. Гаттала пытается привести доказательства в пользу подлинности «Слова», оперируя при этом собственными именами памятника в сравнении с описанием похода Игоря в Ипатьевской летописи. Для доказательства подлинности «Слова» он приводит еще известную приписку

---

[35] Francev, стр. 19.

[36] Slovo o polku Jgorevě. Vydal Martin Hattala, v Praze, 1858.

[37] Dvé zpěvů staroruských totiž: O výpravě Jgorově a Zádonština. S kritickými, historickými, a jinými vysvetlujícími poznamkami a doklady vydal Karel Jaromír Erben. V Praze, 1869.

[38] Slovo o polku Jgorevě. Vydal Martin Hattalla, стр. VIII: „Že sem Slova rozsáhleji nevyložil, tím jsou vlastně nepříznivé takým předsevzetím poměry naše literárné vinny. Ct. nakladatel můj máje je na zřeteli, i ku přítomnému vydání jen ztěžka se odvážil, ačkoli sem za ně žádné odměny nežádal".